

Брат Бэкон учтиво поблагодарил короля через его посланника и передал, что находится всецело в распоряжении его королевского величества и не замедлит нанести ему визит.

— Но, — добавил он, обращаясь к посланнику, — умоляю вас поторопиться, ибо может случиться, что я окажусь при дворе на два часа раньше вас.

Джентльмен отвечал:

— При всей вашей учености, позвольте мне вам не поверить, ибо ученые, старики и путешественники частенько сочиняют небылицы, пользуясь невежеством остальных.

На что брат Бэкон возразил:

— Для усиления вашего доверия к моим словам мог бы я сейчас показать вам девушку, с которой вы в последний раз делили ложе, но не стану, ибо тороплюсь.

Джентльмен продолжал сомневаться:

— Второе обещание так же лживо, как и первое. Хотел бы я, чтобы вы исполнили хоть одно, просто так, ради забавы.

Монах отвечал:

— Не пройдет и четырех часов, как сбудутся оба, так что поспешите.

— Не сбудутся, — заявил джентльмен, — резвость моего коня тому порукой.

И с тем уехал. Но свернул, как видно, куда-то не туда, ибо пути ему было всего три мили, а скакал он целых три часа, так что брат Бэкон предстал перед королем раньше посланника.

Король принял монаха сердечно и сказал, что давно уже искал с ним встречи, ибо хочет, чтобы тот предсказал ему его судьбу. На что брат Бэкон отвечал, что молва его оболгала, приписывая ему достижения куда большие, нежели те, которых он добился своими скромными занятиями, и что, по его мнению, у науки есть множество сынов куда более достойных, чем он. Король похвалил его за скромность, сказав, что ничто так не портит человека истинно мудрого, как хвастовство, но попросил не принижать сверх меры значение собственных занятий, а лучше показать ему и королеве свое искусство.

— Я не был бы достоин ни знания, ни искусства, которыми обладаю, — молвил Бэкон, — если бы отказал вашему величеству в этой просьбе. Прошу вас, садитесь поудобнее, а я покажу вам, на что способно мое скромное искусство.

Король, королева и благородные господа заняли свои места. Монах взмахнул жезлом, и тут же зазвучала такая изумительная музыка, равной которой король и его придворные никогда не слыхивали.

— Это, — молвил Бэкон, — для услаждения вашего слуха. Но прежде чем вы покинете этот зал, я равным образом удовлетворю и другие ваши чувства.

Тут он снова взмахнул жезлом, и музыка стала тише, а в зал вошли пять танцоров. Первый был одет королевской прачкой, второй — лакеем, третий — ростовщиком, четвертый — блудным сыном, а пятый — шутом. В этом заключалось великое разнообразие, которое не оставило никого из зрителей равнодушным. Танцоры, исполнив свои танцы, удалились в том же порядке, в каком появились. Так было удовлетворено второе чувство. Тогда взмахнул монах еще раз своим жезлом, и вновь заиграла музыка, но на этот раз совсем иного рода, и перед королем и его свитой появился стол, который ломился от яств. Король и королева захотели отведать редких фруктов, что лежали на столе, и с большим удовольствием это сделали. Когда все насытились, стол и угощение исчезли так же внезапно, как появились. Снова взмахнул чародей жезлом, и такое разлилось по залу благоухание, словно все благовония мира, облагороженные человеческим искусством, предстали перед ними в одночасье. Пока присутствующие наслаждались запахами, монах еще раз взмахнул жезлом, и перед ними потянулась вереница людей из разных стран в одеждах, которые в тех землях носят. Были там русские, поляки, индийцы, армяне и многие другие, и каждый из них держал в руках меха тех зверей, которые в этих странах водятся, и эти меха дарили они королю и королеве. Эти меха были до того приятны на ощупь, что каждый, кто к ним прикасался, испытывал большое удовольствие. Принесшие же их люди тем временем, исполнив свои национальные танцы, удалились. Задал тогда брат Бэкон королю вопрос: желает ли он еще видеть его искусство? Король ответил, что пока его любопытство удовлетворено вполне и единственная его мысль — о том, как наградить человека, который так ему угодил. Бэкон отвечал, что другой награды, кроме доброго мнения его величества, не хочет и будет этим счастлив.

— Об этом, — ответил король, — не беспокойся и в знак моего расположения прими эту драгоценность. — С этими словами снял король с шеи дорогой камень и протянул монаху.